

М. Р. Рыженков

ПЕРВЫЙ АРХИТЕКТОР ДЕРЕВЯННОГО ДВОРЦА А. Д. МЕНШИКОВА НА ВАСИЛЬЕВСКОМ ОСТРОВЕ

Изучение истории резиденции первого губернатора Санкт-Петербурга на Васильевском острове имеет давнюю традицию, берущую начало от празднования 100-летия Первого кадетского корпуса, располагавшегося в Меншиковском дворце в 1732–1918 гг. Каждое новое исследование, появлявшееся на протяжении почти двух столетий, обобщая накопленные знания, уточняло и добавляло на основе вновь обнаруженных источников новые детали. Тем не менее ряд вопросов остается невыясненным до настоящего времени.

Внимание исследователей было сосредоточено главным образом на истории каменного дворца, строительство которого началось в 1710 г. и завершилось отделочными работами в начале 1720-х гг. Известны имена архитекторов, трудившихся над созданием этого, одного из первых каменных зданий новой столицы, хотя и здесь достоверные сведения были установлены лишь в последние десятилетия¹. Гораздо меньше внимания уделялось историками двум другим, более ранним, домам, принадлежавшим Меншикову в Санкт-Петербурге. Первый из них, деревянный или мазанковый, был поставлен на Троицкой площади Городового острова Петербургской стороны рядом с «домиком Петра» и, вероятно, одновременно с ним, т. е. в 1703 г. Пока «хозяин» почти все время проводил на театре военных действий, его дом использовался для приема царских гостей и иностранных послов, отчего именовался иногда «посольским». Самому А. Д. Меншикову так и не довелось жить в этом доме: в апреле 1708 г. там случился пожар, а в 1710-х гг. (точную дату установить невозможно) дом был разобран уже при других владельцах.

Иная история была суждена другому деревянному дому-дворцу Меншикова, который начали строить в восточной оконечности Васильевского острова. Современные исследователи сходятся во мнении, что строительство началось в 1704 г., но о завершении постройки точных данных нет. Не исключено, что деревянный дворец несколько раз подвергался перестройке и менял свое обличье до октября 1710 г., когда там была устроена свадьба племянницы царя Анны Иоанновны с герцогом Курляндским. Очевидно, что к этому времени все отделочные работы были завершены. Автор последнего по времени публикации капитального труда по истории Меншиковского дворца Е. А. Андреева отмечает: «...в историографии не решен вопрос о времени и этапах строительства деревянного дворца А. Д. Меншикова на Васильевском острове, что, на наш взгляд, связано в первую очередь с отсутствием специальных трудов, посвященных его истории, и, как следствие, недостаточным количеством документов, введенных в научный оборот»².

Прежде всего остается открытым вопрос: кто был архитектором деревянного дворца и сада, точнее регулярного парка, который был спроектирован в едином комплексе с дворцом? Как видно из переписки Меншикова, строительными работами руководили сначала олонецкий комендант И. Я. Яковлев (ему же было поручено Адмиралтейство), а после его смерти в январе 1707 г. – У. А. Синявин (Сенявин), глава Канцелярии городских дел (впоследствии Канцелярии от строений)³. Оба они были чиновниками, ведавшими организацией работ, но к архитектуре имевшими отдаленное отношение. Ответ на вопрос о первом архитекторе деревянного дворца и сада на Васильевском острове могут дать документы Российского государственного архива древних актов (РГАДА), ранее не попадавшие в поле зрения историков Санкт-Петербурга.

В описи фонда РГАДА № 161 «Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и к высоким особам (на иностранных языках), коллекция из фондов Посольского приказа и Посольской канцелярии», значится дело № 462 – 1704 г. «Письма доктора Н. Бидло Ф. А. Головину». В деле, действительно, имеется пять писем, написанных на голландском языке доктором Николаем Ламбертовичем Бидлоо (о нем речь пойдет ниже), приехавшим из Нидерландов по контракту в Россию. Наиболее раннее письмо, точнее записка, датированное 2 июня 1703 г., не имеет указания адресата. Три письма от 15 июня, 28 июля и 26 августа 1704 г. адресованы, очевидно, главе Посольского приказа Ф. А. Головину (одно из них, от 28 июля, снабжено русским переводом, современным подлиннику), а еще одно письмо, от 3 июля 1704 г. (также сопровождаемое русским переводом, современным подлиннику), адресовано А. Д. Меншикову (ил. 1, 2). В самом письме имя адресата не упоминается, однако предваряющая приписка переводчика: «В письме доктора Бидло к Губернатору Александру Даниловичу написано»⁴ – не оставляет сомнения в том, кому было адресовано это письмо. Это подтверждается еще одним косвенным наблюдением: в письмах к Головину и Меншикову по-голландски автор использует разные формы обращения. Письма к первому начинаются словами «HoogEd. geborene Heer», что можно перевести как «Высокородный (благороднорожденный) Господин». В письме ко второму употреблена другая форма – «HoogEdele Heer», что означает «Высокошляхетный Господин». Помимо подтверждения того, что письма имели разных адресатов, это свидетельствует об осведомленности Н. Бидлоо после года, проведенного в России, в различии «боярства» Головина и «шляхетства» Меншикова.

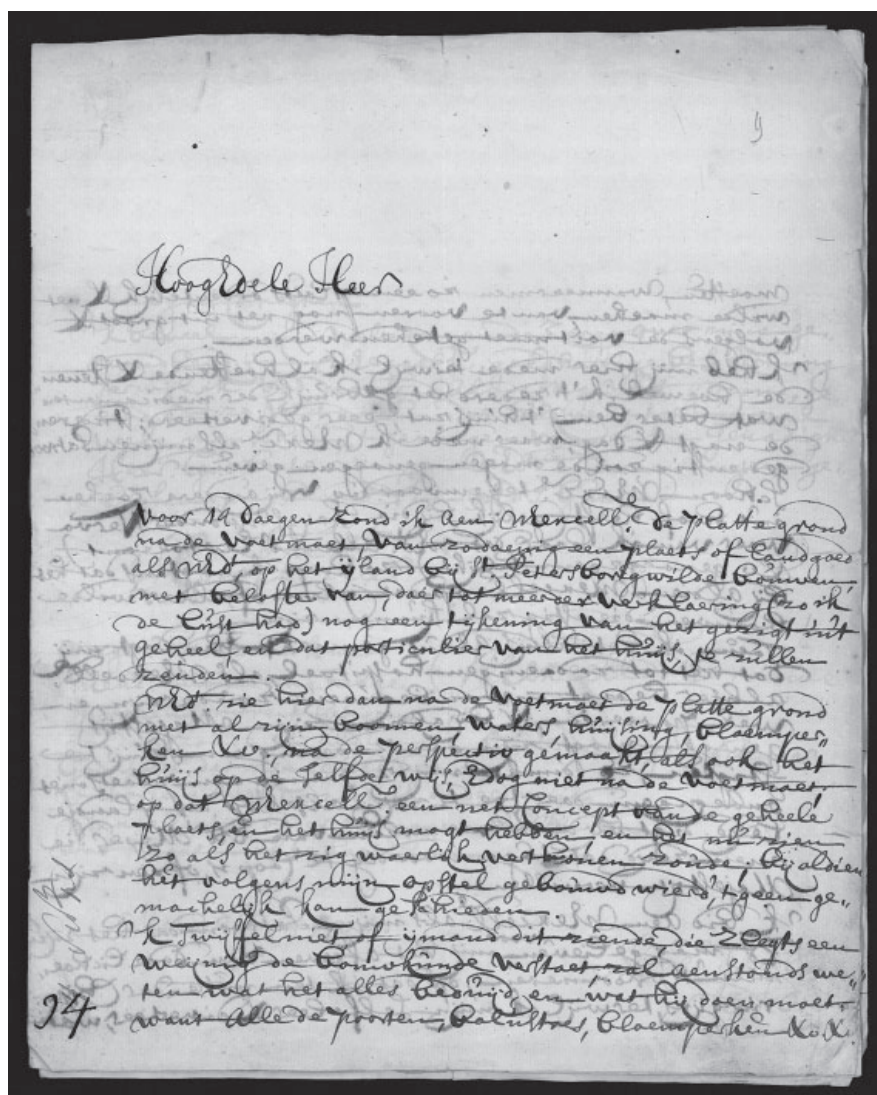
Представляется целесообразным привести здесь полностью текст русского перевода письма Н. Бидлоо от 3 июля 1704 г. в таком виде, в каком он был доведен адресату⁵. После уже процитированной приписки переводчика следовало:

«Высокошляхетный Господин,

Пред двема неделями послал я к вашему превосходительству плоское основание по размеру футами такого места или маетности какое ваше превосходительство на острове у Санкт Питербурка строить хотел, с обещанием что еще охоту имею чертеж прислать всего виду оного и особливо дому.

И тако изволите здесь видеть меру по футам плоского основания со всеми его деревьями, водами, гульбищами, цветниками и прочим по прешпективу зделано.

Також и дом таким же образом, но не по размеру футовому, дабы вашему величеству подлинное изображение всего места и дому иметь и тако усмотреть какой вид оной иметь будет, егда по моему изображению построитца еже удобно может учинитца. Я не сомневаюсь, что ежели кто сие увидит, которой хотя немного архитектуру знает, то

Ил. 1. Письмо Н. А. Бидлоо к А. Д. Меншикову от 3 июля 1704 г.

Подлинник на голландском языке. РГАДА. Ф. 161. Оп. 1. Д. 462. Л. 9. Публикуется впервые

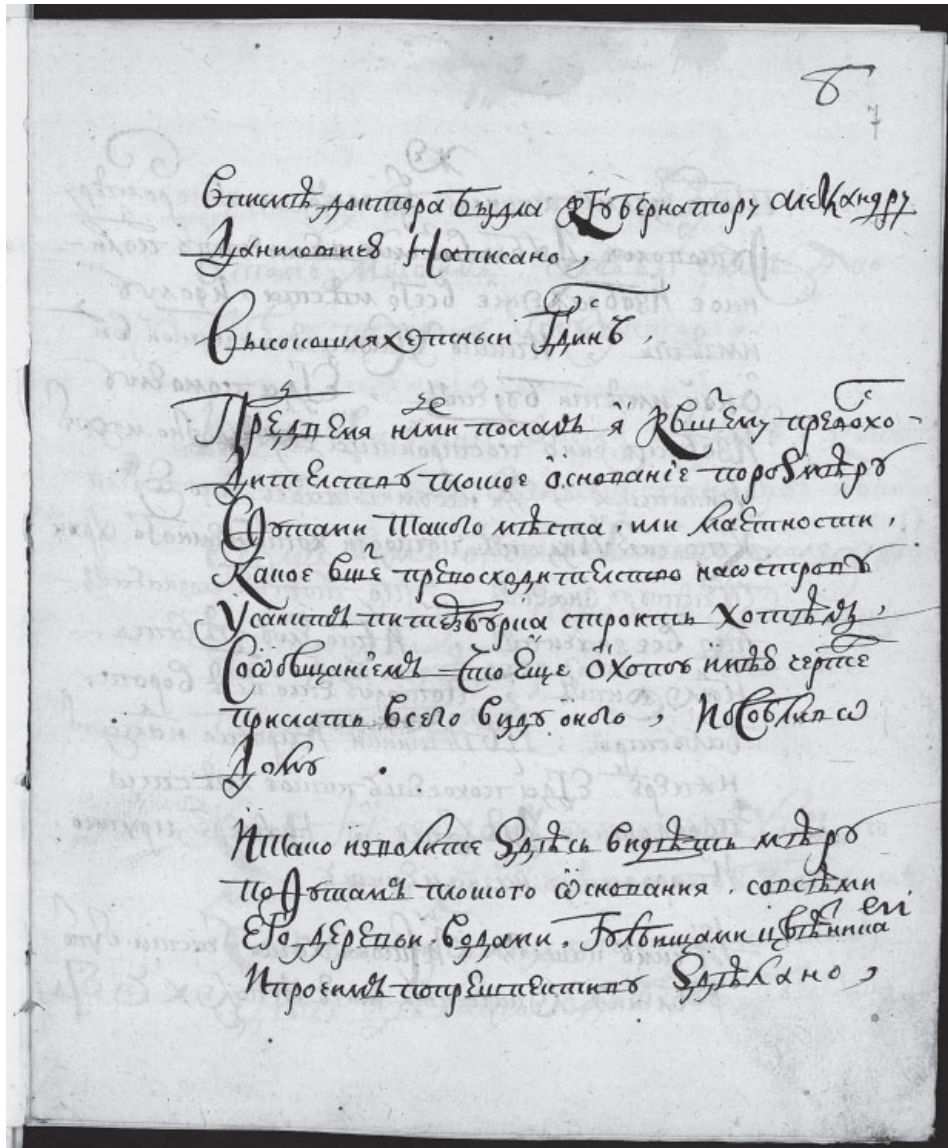
тотчас познает что все значит и что ему делать надлежит. Потому что все ворота, балюстры, цветники и прочая надлежит наперед, егда похочешь такое место порядошное делать, наперед крупно и по размеру назнаменишь.

Я сим, кашляя и стоня, хотя отчасти от употребления лекарства мне и полехче есть, дома сидя забавляя. И денно, и ночью о том мыслил чем бы вам, яко моему патрону услужить.

И хотя у вас иные мысли в голове, как то по воинскому вымыслу под Нарвою явно, в чем вам одному честь принадлежит, однако ж чаю, ежели изволишь где на острове или инде строить, то сие потребно будет.

Как я сей дом тако зделал, помыслил я чтоб оной на такую болницу как ваше превосходительство мыслил здесь делать удобен был. И ежели его Царское величество изволит такой дом здесь учредить, то б удобно место к тому было здесь на островку недалеко от пороховой мельницы Меэровой, о которой говорят, что ныне продают или на Государя взята.

Прошу вашего превосходительства, яко патрона своего...»⁶

Ил. 2. Перевод на русский язык письма Н. А. Бидлоо от 3 июля 1704 г.
Перевод, современный подлиннику. РГАДА. Ф. 161. Оп. 1. Д. 462. Л. 7. Публикуется впервые

Несомненно, что перед нами сопроводительное письмо к планам и чертежам дома и сада Меншикова на Васильевском острове, строительство которых началось как раз в это время. Можно не считать данное письмо доказательством того, что именно архитектурный проект Н. Бидлоо был воплощен в первых деревянных хоромах в ансамбле с регулярным садом, но никакого другого имени какого-либо архитектора, связанного с этой постройкой, источники не упоминают.

Автор этих строк не единственный, кто обратил внимание на этот документ. Еще в 1990-х гг., судя по записи в листе использования, это дело просматривала В. А. Ковригина, замечательный историк Москвы и русской культуры XVII–XVIII вв. В своей чрезвычайно информативной монографии, посвященной истории Немецкой (Иноземской) слободы в Москве, она называет Николая Ламбертовича Бидлоо самой яркой личностью среди «московских голландцев» Петровского времени, а также сообщает: «В 1703 г. и позднее Н. Бидлоо по просьбе А. Д. Меншикова давал советы и посылал князю в Петербург проекты и чертежи жилого дома, который князь намеревался

построить на Васильевском острове»⁷. Однако тема строительства Санкт-Петербурга была настолько далека от предмета исследования автора монографии, что письмо от 3 июля 1704 г. не только не было процитировано, но даже не удостоилось ссылки.

Н. А. Бидлоо был действительно выдающейся личностью: создатель и бессменный директор на протяжении тридцати лет первого Московского госпиталя и хирургической школы, деятельность которого получила достойное освещение в трудах по истории отечественной медицины, начиная с самых ранних⁸. В 2008 г. на территории госпиталя был установлен памятник Петру I и Н. Бидлоо, но еще в конце 1970-х гг. настоящим памятником выдающемуся хирургу стала публикация русского перевода латинской рукописи его труда «Наставление для изучающих хирургию в анатомическом театре», сохранившейся в единственном экземпляре в Фундаментальной библиотеке Военно-медицинской академии⁹. В качестве приложения в книге был опубликован очерк историка медицины Н. А. Оборина «Н. А. Бидлоо и его Наставление...», который является к настоящему времени наиболее полным и обоснованным описанием жизни и деятельности этого замечательного человека¹⁰.

Помимо заслуг Н. А. Бидлоо в области медицины, известна, хотя значительно меньше, его деятельность в качестве архитектора. В энциклопедическом Словаре московских архитекторов Бидлоо посвящена отдельная статья¹¹. Вот что он сам писал о себе: «Свое призвание и честь я искал в практической медицине, в то же время проявляя склонности к различным искусствам и наукам, таким как живопись, рисование, музыка, математика, геометрия, архитектура»¹². Столь разносторонними интересами он был, несомненно, обязан своему происхождению, полученному воспитанию в семье и образованию. Он родился около 1670 г. (1674?) в Амстердаме в семье аптекаря и ученого-ботаника Ламберта Бидлоо (1638–1724), а его дядей был известный анатом и хирург Готфрид Бидлоо (1649–1713), ученик прославленного анатома Ф. Рюйша, профессор и одно время ректор Лейденской академии¹³. Образование Н. Бидлоо получил сначала в Амстердамском Атенеуме (с 1876 г. Амстердамский университет), а затем в Лейденской академии, где в 1697 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины¹⁴. В 1702 г. русский посол в Гааге А. А. Матвеев пригласил его в качестве лейб-медика Петра I и подписал с ним контракт на шесть лет, по которому Н. Бидлоо приехал в Россию и остался на всю жизнь¹⁵. В первые годы службы в качестве царского лейб-медика он должен был повсюду сопровождать Петра, был в Воронеже, а также, по некоторым сведениям, под осажденной Нарвой¹⁶. Очевидно, что, познакомившись в это время с А. Д. Меншиковым и узнав о намерении последнего строиться на Васильевском острове, Бидлоо по возвращении в Москву, несмотря на нездоровье, занялся проектированием дома с садом для своего нового покровителя.

Действительно, в литературе отмечалось, что он был человеком эпохи Просвещения, широко эрудированным и всесторонне образованным, увлекавшимся музыкой, живописью, театром, архитектурой, садово-парковым искусством, античной мифологией и многим другим. В Нидерландах сохранились некоторые его живописные работы маслом и акварелью¹⁷. Когда 25 мая 1706 г. был издан царский указ о создании в Москве госпиталя и медико-хирургической школы, что ранее было предметом обсуждения с Петром и Меншиковым, у Бидлоо уже был готовый проект госпитального дома, как это видно из его письма 3 июля 1704 г.

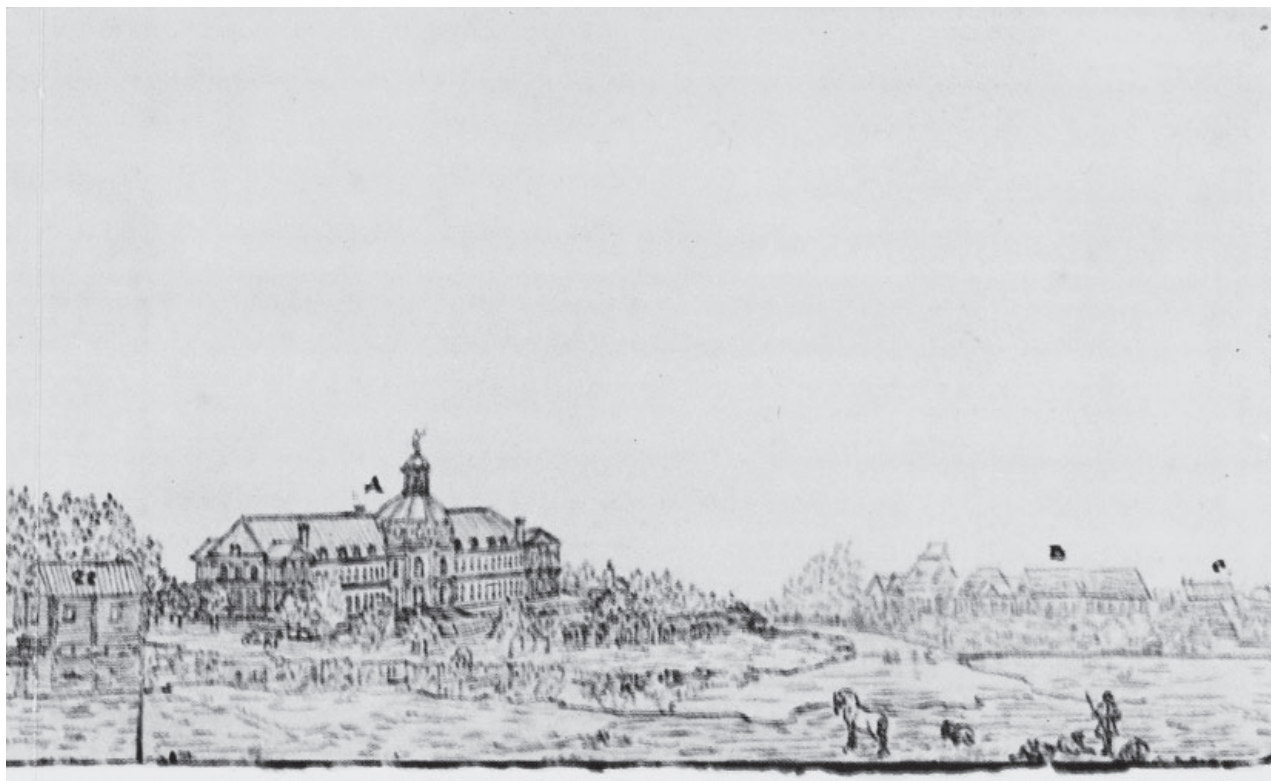
Традиция приписывает авторство проекта Московского госпиталя на Язуе архитектору и суперинтенданту Изуграфской конторы И. П. Зарудному, однако никакого

документального подтверждения эта версия не имеет. С другой стороны, в ряде работ утверждалось, что, ввиду отсутствия в России опыта строительства больничных зданий, именно Н. Бидлоо принадлежала главная роль в проектировании и постройке первого деревянного корпуса госпиталя (завершен в 1707 г., а после пожара 1721 г. восстановлен по прежнему проекту)¹⁸.

В 1710 г. Н. Бидлоо подал челобитную о выделении ему участка земли за Яузой рядом с госпитальным двором для постройки собственного «загородного» дома¹⁹. На выделенном участке он выстроил по проекту дом и разбил регулярный сад с искусственным прудом. Царь Петр бывал гостем в этом доме и так был им очарован, что, когда в казну в 1721 г. была выкуплена бывшая усадьба Ф. А. Головина, именно Бидлоо было поручено ее переустройство по примеру его собственной усадьбы²⁰. Работы продолжались до самой смерти «заказчика» в 1725 г., но так и не были завершены, а впоследствии и вовсе прекратились. Уже в 1730 г. Бидлоо ходатайствовал о выделении средств на поддержание пришедших в упадок дворцовых садов в Лефортове и Измайлове, но не получил ответа²¹. В последние годы он занимался почти исключительно делами госпиталя до своей смерти в апреле 1735 г.

Если сравнивать два здания: деревянный дворец Меншикова, который мы видим на известной гравюре А. Ф. Зубова «Триумфальный ввод шведских судов в Петербург 9 сентября 1714 года после победы русского флота при Гангуте», и Московский госпиталь на Яузе, о котором мы можем судить по рисунку самого Н. Бидлоо (ил. 3)²², между ними обнаруживается мало сходства. На зубовской гравюре это двухэтажное здание «покоем» (т. е. в виде буквы «П») без каких-либо надстроек на крыше (мезонинов, шпилей и т. п.). Здание госпиталя представляло собой прямоугольный двухэтажный трехчастный корпус с выступающей центральной частью, увенчанной невысоким куполом со статуей аллегории Милосердия наверху.

Однако деревянный Меншиковский дворец изначально выглядел иначе, чем он изображен на гравюре 1714 г. Открытие Т. А. Базаровой шведских разведывательных планов Петербурга 1704–1708 гг. в архивах Стокгольма позволяет внести существенные уточнения²³. Так, на плане, снятом 19 июля 1704 г., «дворец русского князя, стоящий на Хирвисаари» (финское название Васильевского острова – Лосинный), изображен в виде прямоугольного одноэтажного здания с высокой крышей. На шведском плане 1706–1707 гг. дом показан двухэтажным с крестом на высоком шпиле. На карте 1708 г., составленной по показаниям дезертиров и пленных, изображено двухэтажное здание, на высокой крыше которого находится небольшая постройка с крышей (мезонин) в четыре окна. На основании этих данных Е. А. Андреева делает следующий вывод: «...летом 1704 г. дом, вероятно, был еще одноэтажным, а начиная с зимы 1704/05 г. – уже двухэтажным. Возможно, в 1706–1707 гг. над зданием возвышался шпиль с крестом (по-видимому, там находилась домовая церковь). На плане 1708 г. есть мезонин, отсутствующий на более поздних изображениях»²⁴. В таком виде Меншиковский дворец имеет гораздо больше сходных черт с Московским госпиталем. Нужно при этом иметь в виду, что, даже если Н. Бидлоо был автором обоих проектов, возведением дворца на Васильевском острове он не руководил, в отличие от постройки госпиталя в Москве. Разумеется, что после 1710 г., когда в распоряжении А. Д. Меншикова были профессиональные архитекторы Франческо Фонтана и Иоганн Шедель и началось строительство каменного дворца, деревянный дворец подвергся перестройке «в итальянском стиле», по свидетельствам современников²⁵.

Ил. 3. Вид здания Московского госпиталя на фоне Немецкой слободы.
Рисунок Н. А. Бидлоо 1725–1735 гг. Фрагмент. Leiden University Libraries, inv. nr. BPL 2727-5

Открытым остается вопрос, сохранились ли планы и чертежи, которые Н. Бидлоо послал А. Д. Меншикову в 1704 г. Никаких упоминаний о них в их последующей переписке, дошедшей до нас, вероятно, не в полном объеме, не встречается. Отдельные части обширного архива светлейшего князя за триста лет неоднократно меняли места хранения. Сегодня, помимо РГАДА, значительная часть архива походной канцелярии хранится в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (ф. 83). Отдельные документы есть и в других хранилищах. Между тем, в РГАДА в фонде № 198 «Меншиков А. Д.» имеется «Дело о пересылке оставшихся после князя Меншикова чертежей, карт, книг и прочих вещей, касающихся до инженерства» от 20 июня 1737 г.²⁶ Дело открывается текстом указа об изъятии упомянутых материалов и пересылке их в Коллегию иностранных дел. Далее следуют списки нескольких десятков наименований графических документов, подлежащих передаче из архива князя. В отдельную группу выделены документы на иностранных языках, но заголовки не всегда позволяют точно определить авторство, время и место составления. Например, под № 17 «иностранного» списка значится «Чертеж цветникам», но определить, о каких цветниках идет речь, не представляется возможным. Нельзя исключить, что документы Н. Бидлоо хранятся без указания их происхождения вместе с другими графическими и картографическими материалами в Архиве внешней политики Российской империи ИДД МИД РФ.

¹ *Малиновский К. В.* Санкт-Петербург XVIII века. СПб., 2008. С. 63–65.

² *Андреева Е. А.* Петербургская резиденция А. Д. Меншикова в первой трети XVIII в.:

описания палат, хором и сада. СПб., 2013. С. 16.

³ Там же. С. 18–19.

⁴ РГАДА. Ф. 161. Оп. 1. Д. 462. Л. 7.

- ⁵ С новым современным переводом можно ознакомиться в Приложении, он отличается от перевода XVIII в. как деталями, так и полнотой.
- ⁶ РГАДА. Ф. 161. Оп. 1. Д. 462. Л. 7–8 об. На последних словах обрывается русский перевод XVIII в. Видимо, переводчик был так шокирован дальнейшим содержанием письма (Бидлоо писал об анатомических опытах над трупами, см. Приложение), что остановился посреди листа, не решаясь продолжать запись.
- ⁷ Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. М., 1998. С. 292.
- ⁸ Рихтер В. М. История медицины в России. М., 1820. Ч. 3; Никитин А. Бидлоо Николай // Энциклопедический лексикон. СПб., 1836. Т. 5.
- ⁹ Бидлоо Н. Наставление для изучающих хирургию в анатомическом театре. М., 1979.
- ¹⁰ Оборин Н. А. Н. Л. Бидлоо и его «Наставление...» // Бидлоо Н. Наставление для изучающих хирургию ... С. 375–480.
- ¹¹ Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV – середины XVIII века. М., 2008. С. 129–131.
- ¹² Оборин Н. А. Н. Л. Бидлоо и его «Наставление...». С. 398. Перевод из: N. Bidloo. Sketch pertaining to the drawings as a memory for my children and family // Willemse D. The unknown drawings of Nicholas Bidloo, director of the first hospital in Russia. Voorburg, 1975.
- ¹³ Так по-латыни называется Лейденский университет.
- ¹⁴ Оборин Н. А. Н. Л. Бидлоо и его «Наставление...». С. 391–392.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1, 1702 г. Д. 3. Л. 1–12. Скончался Н. Л. Бидлоо 23 марта (3 апреля) 1735 г.
- ¹⁶ Оборин Н. А. Н. Л. Бидлоо и его «Наставление...». С. 392.
- ¹⁷ Willemse D. The unknown drawings of Nicholas Bidloo, director of the first hospital in Russia.
- ¹⁸ Оборин Н. А. Н. Л. Бидлоо и его «Наставление...». С. 398; Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII века. С. 292.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3136. Л. 1.
- ²⁰ Там же. Ф. 9. Отд. 1. Оп. 2. Кн. 57. Л. 157, 158.
- ²¹ Там же. Ф. 1239. Оп. 3. Ч. 79. Д. 35114. Л. 1–8.
- ²² Бидлоо Н. Наставление для изучающих хирургию ... С. 392–393, цветная вклейка «Московский госпиталь, акварель Н. Л. Бидлоо 1725–1735» (репродукция из кн.: Willemse D. The unknown drawings of Nicholas Bidloo, director of the first hospital in Russia); с. 451, реконструкция здания госпиталя Г. М. Скубченко по рис. Н. Л. Бидлоо.
- ²³ Базарова Т. А. Планы петровского Петербурга : источниковедческое исследование. СПб., 2003. С. 36–38, 62–64, 66–67, 69, 72 – приводится по: Андреева Е. А. Петербургская резиденция А. Д. Меншикова в первой трети XVIII в. С. 121.
- ²⁴ Андреева Е. А. Петербургская резиденция А. Д. Меншикова в первой трети XVIII в. С. 107.
- ²⁵ Там же. С. 109.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 279.

Транскрипция рукописи письма Н. А. Бидлоо от 3 июля 1704 г.*

HoogEdele Heer

Voor 14 daegen zond ik aen U.Excell. de plattegrond na de voetmaet van zodaenig een plaets of landgoed als U.Ed.t, op het ijland bij St. Petersborg wilde bouwen, met belofte van, daer tot meerder verklaring (zo ik de lust had) nog een tijkening van het gezigt in't geheel, en dat particulier van het huijs, te zullen zenden.

U.Ed.t zie hier dan na de voetmaet de plattegrond met al zijn boomen, waters, huijsing, bloemperken etc., na de perspectiv gemaakt, als ook het huijs op de selfde wijs, edog niet na de voetmaet; op dat U.Eexcell. een net Concept van de geheele plaets, en het huijs mogt hebben, en het nu zien zo als het zig waerlijk verthonen zoude; bij aldien het volgens mijn opstel gebouwd wierd, 'tgeen gemackelijk kan geschieden.

'k Twijffel niet of ijmand dit ziende, die zlegts een weijnig de bouwkunde verstaet, zal aenstonds weten wat het alles beduijd, en wat hij doen moet, want alle de poorten, balustres, bloemperken etc. etc. moesten, wanneer men zo een plaets ordentelijk en net wilde maken, van te vooren nog net in't groot en volgens de voetmaet getekend werden.

'k Heb mij hier mede terwijl ik al hoestende en stenende (hoewel ik 'tzederd het gebruyk der medicamenten wat beter ben) 'thujs zat, zeer gediverteerd; studerende nagt en dag, waer mede ik U.Eexc. als mijnen Patroon gediensig zoude mogen genoeg geven.

Schoon U.Eexc. tegenwoordig vrij andere zaeken in't hoofd heeft (gelijk bij die krijgslit onder Nerva (waer van ik hoor dat U.Ed.t alleen d'Eer toecomt) etc. genoegzaam blijkt) zo hoop ik nogtans dat het bij aldien U. Eexcell. op dat ijland of elders wilde bouwen dienstig zal kunnen zijn.

Toen ik het huijs aldus gemaakt had, dagt mij dat het zodaenigen hospitaal, als U.Eexcell. alhier bedagt, niet onbequaem zoude zijn, en wel pareeren, en bij aldien zijn Majestijt genegen mogt zijn om zodaenig een huijs te stighen, zo dunkt mij zodaenig een plaets niet onbequaem daertoe te zijn als er op dat ijlandje leyd, digt bij de Polver molen van de heer Meyer, die men zeyd, dat tegenwoordig te coop is, of aen zijn Majestijt vervallen.

'k Bid aen U.Eexcell. als mijn Patroon, dat het zijn Edt. mag gelieven voor mij het afgeven van dode lichaemen t'ordonneren; opdat ik ten nutte der chijrurgrijns, terwijl ik mijn selfs leer en diverteer, wat mag uijtregten.

'k Beveel mijn welzijn, ende zorg over mijn gezondheid in U.Eexcell. goedhertige bescherming, terwijl ik bid, dat God Almagtig U.Ed.t gezond, geeerd en zo victorieux doe blijven; tot nut van veele menschen en 't genoeg van onsen genadigsten Heer God laete zijn, en U.Ed.ts ondernemingen gelucken en bewaerd in U.Edts. gunst

HoogEd. Heer

U.Eexcell. Getrouwe en Onderdaenige Dienaer
Nicol. Bidloo.
Med. Doctr.

Wegens hetgeen ik met U.Eexc. mondeling heb gesproken, omtrent hetgeen ik doen zoude, bij aldien God gave, dat Zijne Maj. weder victorieux was, verzoek ik onderdaenig, U.Eexcellenties order te mogen hebben om wat te doen, of te laeten.

Mosco 3 Julij 1704.

* Транскрипция сделана г-жой Инeke Хейсман, научным сотрудником Института истории Нидерландов им. Гюйгенса (Huugens ING) при Королевской нидерландской академии наук (KNAW).

Полный современный перевод письма Н. А. Бидлоо от 3 июля 1704 г.**

Высокошляхетный Господин

14 дней назад послал я Вашему Превосходительству масштабный план в футах такого места или усадьбы, как Ваше Шляхетство на острове у Санкт-Петербурга хотели построить, с обещанием прислать для дальнейших пояснений (если у меня будут силы) еще и чертеж общего вида, и отдельно дома.

Ваше Шляхетство, прилагаю к сему масштабный план в футах со всеми его деревьями, водоемами, постройками, клумбами и т. д., сделанный в перспективе, а также дом тем же образом, однако не в масштабе; с тем чтобы Ваше Превосходительство получили аккуратный проект всего места и дома, и видели бы его сейчас так, как он выглядел бы в действительности, будучи построенным согласно моему сочинению, что легко может быть выполнено.

Не сомневаюсь, что кто-то, хотя бы немного понимающий в зодчестве, видя его, сразу поймет, что все это означает, и что он должен делать, потому что, когда такую усадьбу хотят сделать как следует и аккуратно, все ворота, балюстрады, клумбы и пр. и пр. должны быть заранее аккуратно начерчены в большом размере и в масштабе.

Пока я, кашляя и стеля, сижу дома (хотя с тех пор, как начал принимать лекарства, мне и стало лучше), я этим занятием весьма себя развлекаю, работая над ним день и ночь, чтобы поскорей доставить удовольствие Вашему Превосходительству как моему покровителю.

Хотя у Вашего Превосходительства в настоящее время довольно других забот (достаточно упомянуть ту военную хитрость под Нарвой, честь которой, как я слышал, принадлежит только Вашему Шляхетству), надеюсь, тем не менее, что он сможет быть полезен, если Ваше Превосходительство хотели строить на том острове или в любом другом месте.

Когда я таким образом сделал дом, мне подумалось, что он подошел бы и для такого госпиталя, какой Ваше Превосходительство придумали здесь, и если Его Величество изволили бы возвести таковой дом, то для одного представляется мне пригодным такое место, что лежит на том островке, недалеко от пороховой мельницы господина Майера, о котором говорили, что оно ныне продается или отошло Его Величеству.

Молю Ваше Превосходительство как моего покровителя, чтобы Ваше Шляхетство изволили приказывать отдавать для меня мертвые тела; чтобы я на благо лекарей, и в то же время для моего собственного учения и развлечения, мог производить с ними некоторые действия.

Поручаю мое благополучие и заботу о моем здравии сердечному покровительству Вашего Превосходительства и молюсь, чтобы Всемогущий Бог позволил Вашему Шляхетству оставаться в здравии, в почете и таким же победоносным, к пользе многих людей и к удовольствию нашего всемилостивейшего Господа Бога, и чтобы предприятия Вашего Шляхетства удавались и сохранялись на пользу Вашему Шляхетству,

Высокошляхетный Господин,

Вашего Превосходительства верный и покорный слуга
Никол. Бидлоо,
доктор медицины

Понеже я с Вашим Превосходительством устно разговаривал о том, что мне делать, если, Бог даст, Его Величество вновь одержит победу, покорнейше прошу Ваше Превосходительство дать мне распоряжение, что делать или не делать.

Москва, 3 июля 1704.

** Перевод сделан П. В. Кузьминым, старшим экспертом отдела культуры Посольства Нидерландов в Российской Федерации.